

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

Е.А. Щепалина*

КОНЦЕПЦИЯ МИФОТВОРЧЕСКОГО ИСКУССТВА В ПИСАТЕЛЬСКОМ НАСЛЕДИИ
С.Н. ДУРЫЛИНА

В статье рассматривается концепция мифотворческого искусства С.Н. Дурылина, основу которой составляет синтез «религиозного» и «мифологического». Дурылин решает проблему взаимоотношений художника и народа через приобщение к христианскому мифотворчеству. Истинный «делатель искусства» призван преодолеть пропасть между «индивидуальным» и «народным», «художественным» и «религиозным», преобразить русское искусство.

Ключевые слова: мифотворческое искусство, художник-мифотворец, народное христианское мифомышление, Р. Вагнер, С.Н. Дурылин, легенда о Китеже.

В последнее время возрастает исследовательский интерес к удивительному явлению отечественной культуры XX века, — творчеству С.Н. Дурылина (1886–1954). В данной статье речь пойдет о концепции мифотворческого искусства, нашедшей свое отражение в теоретических работах писателя и в его художественном наследии. В центре внимания будет находиться проблема взаимоотношения художника и народа, возвращения истинного творца-служителя в культуру.

На рубеже веков писатели и поэты осознают кризис искусства и необходимость поиска путей его исцеления (Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, В.И. Иванов, А. Белый и т. д.). Так, Д.С. Мережковский в своей статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892), говоря о творческом застое и порче языка, видит спасение для русской литературы в синтезе культуры и народной стихии: России нужен свой Гёте, который бы перешел пропасть между «человеческим» и «стихийным», «культурным» и «первобытно-земляным», искусству необходима синергия художника и народа [1, с. 436].

Начало XX века для С.Н. Дурылина также было ознаменовано религиозным и творческим поиском. Обращаясь к проблеме кризиса современного искусства, писатель убеждается в том, что «болезнь сия не к смерти» (Ин. 11: 4): искусство остается для Дурылина онтологической точкой опоры, позволяющей этому миру «быть», удерживающей его от распада и хаоса.

Писатель считает, что оздоровление искусства возможно лишь через соединение с народной мифотворческой основой. Поэтому лекарство, способное вернуть искусству творческую силу, — это *миф*. Не случайно Фр. Ницше говорит об особом жизнотворном потенциале мифа: «В основе мифа лежит не идея, как ошибочно полагают чада неестественно-манерной культуры, — нет, он *сам есть мышление*; он дает представление о мире, но делает это, показывая вереницу событий, поступков и страданий» [2, с. 310].

Главная задача любого художника, как утверждает Дурылин, — вернуть *тайный дар*, ибо, «возвращая его народу, как *свой дар* и вместе *его дар*, художник возвращает народу *свое мышление* и одновременно *его мышление*» [3, с. 13]. Мифотворческое искусство примиряет «художника-творца» и «чернь», «индивидуальное» и «народное»: уже нельзя сказать, кто дарящий, а кто принимающий дар. Оплодотворенный мифом художник идет к народу: дарит народу его же дар.

В свете вышесказанного особую значимость для Дурылина приобретает фигура Р. Вагнера: «Миф оплодотворял творчество Вагнера, и мифомышление было все творчество Вагнера» [3, с. 13]. Творчество Вагнера — целостное, синкретичное явление: «соединение многоликих искусств в одном искусстве музыкальной драмы» есть «мудрое врачевство, предложенное великим делателем» [3, с. 11].

Согласно Дурылину, отдельного внимания заслуживает мифотворческий метод Вагнера. Насле-

дие композитора «является как бы единым руслем двух мифотворящих стихий — *язычества и христианства*»: «Вагнер-мифомыслитель соединил в своем творчестве «блеск меча Зигфрида» и «сиянье Грааля» [3, с. 16].

Опыт вагнеровского творчества важен для осознания русским искусством своего собственного пути и для возвращения в культуру истинного «делателя искусства».

Дурылин намечает три ступени оздоровления русского искусства: *символизм, мифотворчество, религия*. К восприятию первой части этой триады современное сознание подготовлено. Религия как животворящий дух искусства живет в чаяниях религиозных художников (одним из самых ярких представителей религиозного искусства Дурылин считает Андрея Белого) [3, с. 13]. Однако мифотворчество как особая плоть искусства смутна и неопределенна.

Деятель искусства, по мысли Дурылина, также имеет три ипостаси: *художника-символиста, художника-мифомыслителя, религиозного художника*. «Делатель искусства (ποιητής) как мифомыслитель один будет в силах соединить две крайних части триады: художника-символиста и религиозного художника «...», потому что тех обоих он приводит ко всегда крепкому земле *народу и его мифомышлению*» [3, с. 23]. Именно на художника-мифомыслителя возложена особая задача — синтезировать и примирить «художественное», «народное» и «религиозное» начало в искусстве.

Попытки нисхождения к мифу наблюдаются в творчестве В.С. Соловьева, Д.С. Мережковского, В.И. Иванова, А. Белого. Однако современный художник-врачеватель еще не явился, не напитался народным мифотворчеством, главный источник которого для русского искусства лежит в недрах народного православия.

Русскому искусству, по замечанию Дурылина, после христианства А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого чужд возврат к языческому мифотворчеству, «к внегреховности и прекрасной звериной невинности Зигфрида» [3, с. 28]. Искусство должно черпать вдохновение в христианской стихии русского народного мифомышления.

С.Н. Дурылин сетует на то, что «русское искусство прошло мимо этих сокровищ народного христианского мифомышления, заключенных в народном русском искусстве, в духовных стихах, многих русифицированных житиях из «Четых Миней» и «Пролога», изустных преданиях, памятниках отреченной литературы...» [3, с. 36]. И далее С.Н. Дурылин намечает духовную линию развития русской литературы, определяя тем самым и свою творческую задачу: «Художник, идущий к мифотворческому искусству, должен помнить, что должен он идти не к готовым формам народного искусства, не к пассивному подчинению себя образам и символам народного мифомышления, не к фольклору, не к народопоклонству, — но к религиозному взысканию последней реальности, — и, как человек, взыскав Ее непрестанно, он неизбежно встретится с

народом, непрестанно тоскующим по Последней реальности и ищущим Ее во имя Христа» [3, с. 36].

Христианское мифомышление живет особым образом: христианские религиозные ценности преломляются в народном сознании, переживаются народной душой и хранятся в образах мифотворческого искусства. Одним из ярчайших сокровищ народного мифомышления Дурылин считает сказание о граде Китеже, предание «во многом параллельным которому на Западе может быть признано только народное мифомышление о св. Граале» [3, с. 38].

Будучи по образованию этнографом и историком, Дурылин предпринимает ряд путешествий по русскому Северу (1906–1917), изучая быт северных народов, религиозные традиции народного православия. Писатель выбирает образ града Китежа в качестве духовного центра и основания русской культуры (работы 1910-х гг. — «Церковь невидимого града» (1913), «Начальник тишины» (1916), «Сказание о невидимом Граде-Китеже» (1916)).

Показательно, Дурылин указывает на двойственность Китежа: «одним — Невещественный град, «благоутишное пристанище», другим — топь, пустое место, лес, — есть истинное свидетельство о подлинном религиозном знании народа, верующего в Китеж. Невидимый град для тех, *кто не требует чуда, но сам пламенеет в себе к чуду*; топь, пустое место — тому, кто без огня веры и религиозного опыта хочет пожара веры — *чуда*» [3, с. 48]. Китеж нужно суметь «узреть». Поиск Китежа — путь подвига, усилие веры, «мистический опыт». Для народного сознания Китеж не просто холодная абстракция: Незримый град — действительность, «великий реализм веры».

В позднем творчестве Дурылина легенда приобретает символическое значение. Китеж для Дурылина одновременно и символ незримой Святой Руси, и символ реальной, но утраченной исторической России. Яркий пример этому роман-хроника «Колокола» (1928–1953). Над губернским городом Темьяном, ведущим до этого свое уединенное существование, нависает ощущение конца света: «быти вскоре» — пророчествует Испуганная словами евангелиста Иоанна. И действительно, грядет время испытаний: для темьяновцев самой большой трагедией становится попытка новой власти переплавить колокола, заставить замолчать Божьих глашатаев, созывающих на молитву весь мир. Только звон «неувядаемый» нельзя ничем заглушить: повторяя судьбу Китежа, даже на дне озера возвещают они Божью правду. Те, кому «открыто», слышат этот «тайный» звон: «Звон это цельный. В Княжин благовестят, и древний Царев звонит. Не к вечерне это. Ко всенощной звон. В граде Темьяне храмы открыты, служба идет, а в водах — звонница сокровенная... *Неугасим, неугасим звон града Господня!*. «Яко глас вод многих и яко глас громов крепких! Радуемся и дадим славу ему!» [4, с. 291].

Пасхальные мотивы сильны в творчестве писателя: «История исчезновения града и его слава в «конце времен» проецируется на русскую историю: Русь обретает надежду на воскресение» [5, с. 106].

Даже когда избранные «люди Божии» не услышат вздоха земли Российской, когда ей возгласят «вечную память», — будет праздновать «Российская незримая земля Христу Воскресшему» [4, с. 453].

Истинное бытие скрывается от нас, «таится», но «кто имеет уши» способен ощутить это трансцендентное дуновение: дыхание родной земли (повесть «В те дни»), колокольный благовест со дна озера (роман-хроника «Колокола»). Прикоснуться к бытию можно через общение с «русскими простецами», причастными к соборному опыту народного православия и продолжающими апостольское дело свидетельствования «жизни Христа»: «О том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение — с Отцем и Сыном Его, Иисусом Христом. И вот благовестие, которое мы слышали от Него и возвещаем вам: Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1: 3, 5). В «русских хресьянах» реализуется своеобразное «автохтонное апостольство», проповедь от почвы, от рода, *на-рода*.

Если в ранних теоретических работах Дурьлин только намечает пути возрождения русского искусства, то в большее поздних художественных произведениях писатель пытается реализовать одну из главных задач художника — встречу с народом и через него с Христом: «Христос дан каждому верующему в его личном (разумеется, личном постолюкы, поскольку личность не самоутвердила себя в отъединении от Церкви, но, наоборот, утверждает себя в Церкви) *тайном опыте*, который включается, как часть в целое, *в общенародный религиозный опыт*» [6]. Как уже отмечалось, именно в этом соборном опыте заключен источник творческой силы художника, который будучи частью народа, приобщается к единому Телу Христовой Церкви. Возникает незыблемая онтологическая связь: *я — народ — Церковь — Христос*» [7, с. 33].

Спасение русской культуры Дурьлин видит «*в борьбе за искусство религиозное и всенародное — мифотворческое*» [3, с. 63]. Борьбу эту должен начать истинный «делатель искусства», который неслитно и нераздельно соединит в себе три ипостаси: *художника-символиста, художника-мифомыслителя, религиозного художника*. Черпая духовные и творческие силы в сокровищнице русского христианского мифомышления, художник воспримет дар, способный преобразить русское искусство.

Библиографический список

1. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Вечные путники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука, 2007. С. 428–502.
2. Ницше Фр. Рихард Вагнер в Байрете // Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. Ч. 2. Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. М.: Культурная революция, 2014. С. 260–332.
3. Дурьлин С.Н. Рихард Вагнер и Россия: Вагнер о будущих путях искусства // Сергей Дурьлин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. II: Тексты. Библиография. М.: Регнум, 2011. С. 9–63.

4. Дурьлин С.Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Москва, 2014. 672 с.
5. Gladkova E.V. Легенда о Китеже и концепция времени в романе-хронике С.Н. Дурьлина «Колокола» // Вестник Костромского государственного университета. 2013. № 4. С. 103–106.
6. Дурьлин С.Н. Церковь невидимого града. Сказание о граде Китеже // Институт Культуры Состояний [sostoyanie.ru]. URL: <http://www.sostoyanie.ru/2010-03-31-19-22-05/2010-03-31-19-22-43/330-2013-02-22-17-41-41.html> (дата обращения: 10.10.2017).
7. Щепалина Е.А. «Искусство — радуга над силоамскими водами религии»: народное православие С.Н. Дурьлина // Гуманитарные науки и православная культура, XIV Пасхальные чтения (Москва, 5–6 мая 2016 г.): материалы Межвузовской научно-методической конференции. М.: МПГУ, 2017. С. 31–34.

References

1. Merezhkovskiy D.S. *O prichinakh upadka i o novykh techeniyakh sovremennoi russkoi literatury* [On the causes of decline and on the new trends of modern Russian literature]. In: *Vechnye putniki. Portrety iz vseimoi literatury* [Eternal travelers. Portraits from the world literature]. SPb.: Nauka, 2007, pp. 428–502 [in Russian].
2. Nietzsche Fr. *Rikhard Vagner v Bairete* [Richard Wagner in Bayreuth]. In: *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t. T. 1. Ch. 2. Nesvoevremennye razmyshleniia. Iz nasledii 1872–1873 gg.* [Complete works: in 13 Volumes. Vol. 1. Part 2. Untimely reflections. From the heritage of 1872–1873]. M.: Kul'tumaia revoliutsiia, 2014, pp. 260–332 [in Russian].
3. Durylin S.N. *Rikhard Vagner i Rossiia: Vagner o budushchikh putiakh iskusstva* [Richard Wagner and Russia: Wagner on the future ways of art]. In: *Sergei Durylin i ego vremia: Issledovaniia. Teksty. Bibliografiia. Kn. II: Teksty. Bibliografiia* [Sergei Durylin and his time: Studies. Texts. Bibliography. Book II: Texts. Bibliography]. M.: Regnum, 2011, pp. 9–63 [in Russian].
4. Durylin S.N. *Sobranie sochinenii: v 3 t. T. 2.* [Collected works: in 3 Volumes. Vol. 2]. M.: Moskva, 2014, 672 p. [in Russian].
5. Gladkova E.V. *Legenda o Kitezhe i kontseptsiiia vremeni v romane-khronike S.N. Durylina «Kolokola»* [Legend about Kitezh city and time concept in Sergey Durylin's novel chronicle «The Bells»]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2013, no. 4, pp. 103–106 [in Russian].
6. Durylin S.N. *Tserkov' nevidimogo grada. Skazanie o grade Kitezhe* [Church of the invisible city. The legend of Kitezh city]. *Institut Kul'tury Sostoianii [sostoyanie.ru]* [Institute of Culture of States]. Retrieved from: <http://www.sostoyanie.ru/2010-03-31-19-22-05/2010-03-31-19-22-43/330-2013-02-22-17-41-41.html> (accessed 10.10.2017) [in Russian].
7. Shchepalina E.A. «*Iskusstvo — raduga nad siloamskimi vodami religii*»: *narodnoe pravoslavie S.N. Durylina* [«Art is a rainbow over the Siloam waters of religion»: S.N. Durylin's national Orthodoxy]. In: *Gumanitarnye nauki i pravoslavnaia kul'tura, XIV Paskhal'nye chteniia (Moskva, 5–6 maia 2016 g.): materialy Mezhvuzovskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii* [Humanitarian Sciences and Orthodox Culture», XIV Easter Readings (Moscow, May 5–6, 2016): materials of the Interuniversity scientific and methodological conference]. M.: MPGU, 2017, pp. 31–34 [in Russian].

*E.A. Shchepalina****CONCEPTION OF MYTH-MAKING ART IN S.N. DURYLIN'S WORKS**

The article deals with S.N. Durylin's conception of myth-making art. National Christian base helps Durylin to solve the problem of the relationship between the artist and the nation. The true artist can connect «individual» and «national», «artistic» and «religious», transform the Russian art.

Key words: myth-making art, myth's creator, Christian mythological consciousness of nation, R. Wagner, S.N. Durylin, legend of Kitezh.

Статья поступила в редакцию 24/III/2017.
The article received 24/III/2017.

---

* *Shchepalina Ekaterina Alexandrovna* (katerina-shhepalina@yandex.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.